

УДК 343.3

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОРРУПЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н.Г. Муратова

Аннотация

Коррупционные составы преступлений и проблемы правовых формулировок материальных норм относятся к наиболее актуальным проблемам современного уголовного права. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства позволяет определить уголовно-правовую регламентацию института уголовной ответственности за коррупцию. В статье высказывается мнение, что единство уголовно-правовых характеристик коррупции достаточно определенно сформулировано терминологически в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: коррупционные факты, критерии коррупционной деятельности, уголовный закон зарубежных стран.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определил основные правовые и социальные ориентиры в борьбе с коррупцией в России. Традиционно после принятия исторически нового для отечественной правовой системы закона общество, законодатели, правоприменители и ученые не могут долго оставаться равнодушными к его сущности и механизму реализации. Давно ожидаемый в обществе закон впитал международно-правовые основы противодействия коррупции и удивил своей лаконичностью и доступностью терминологии. Это, видимо, связано с тем, что чуть ранее правовой системой России были восприняты два международно-правовых акта, позволивших, во-первых, осознать неизбежность кардинальных перемен в отечественном законодательстве в сфере противодействия коррупции, во-вторых, подготовить сознание, правовое мышление и совесть правоприменителей к предстоящей кропотливой, высокопрофессиональной и высокоморальной работе по выявлению и доказыванию фактов коррупции в России.

Конвенция ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. и ратифицированная Федеральным законом РФ от 8 марта 2006 г. № 40 ФЗ, предлагает очень емкие и доступные критерии необходимых требований к доказыванию *коррупционных фактов*: а) обещание, предложение или предоставление лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического лица или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей; б) вымогательство или принятие лично или через посредника какого-либо

неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей (ст. 15 «Подкуп национальных публичных должностных лиц», ст. 18 «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», ст. 21 «Подкуп в частном секторе»).

Кроме того, *критериями фактических обстоятельств отмыывания доходов от преступлений* называются: а) конверсия или утаивание имущества – доходов от преступлений, сокрытие или утаивание преступного источника этих доходов, местонахождения, способа перемещения, прав на имущество или его принадлежность; б) приобретение имущества, владение им или его использование, если в момент его получения известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений (ст. 23 «Отмыывание доходов от преступлений», ст. 24 «Сокрытие»).

Еще одним блоком критериев фактических обстоятельств по Конвенции являются следующие умышленные деяния: а) применение физической силы, угроз или запугивания либо обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний или вмешательства в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией; б) применением физической силы, угроз или запугивания с целью вмешательства в выполнение должностных обязанностей должностным лицом судебных или правоохранительных органов в ходе производства в связи с совершением преступлений (ст. 25 «Воспрепятствование осуществлению правосудия»). Осознание, намерение или умысел, требуемые в качестве элементов какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела (ст. 28 Конвенции).

Следующий (и последний) блок правил доказывания коррупционных фактических обстоятельств в соответствии с Конвенцией затрагивает необходимость создания в рамках внутренней правовой системы эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей и экспертов, дающих показания в связи с коррупционным преступлением. Этот блок включает: а) установление процедур для физической защиты; б) принятие правил доказывания, позволяющих свидетелям и экспертам давать показания таким образом, который обеспечил бы безопасность таких лиц, то есть с помощью средств связи (видеосвязи, рации и т. п.) [1, с. 339–359]. В соответствии с Европейской конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми в целях содействия сбору доказательств, имеющих отношение к уголовным правонарушениям, признанным в качестве таковых в соответствии с Конвенцией. Кроме того, эти меры могут быть необходимы для выявления, розыска, наложения ареста и изъятия орудий преступлений и доходов от коррупции, распоряжения о предоставлении или аресте банковской, финансовой или коммерческой документации (ст. 23 «Меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов») [1, с. 324–325].

Историко-теоретический ракурс проблемы кроется в глубине веков. Как отмечают аналитики, в отличие от западных государств, которые формировались в условиях насильственного захвата варварскими племенами новых земель и в которых государственная власть устанавливалась достаточно быстро, древняя Русь в течение долгого времени руководствовалась собственными представлениями о добре и зле. Существенную роль играли не законы, а устные договоренности, обычаи и личные отношения между людьми, а основанный таким образом громадный государственный механизм все время поскрипывал, и для его смазки уже тогда существовал такой простой и надежный способ, как «подмазать подношеньцем» [2, с. 19].

В начале 90-х годов XX в. весь мир с нетерпением ожидал сообщений о политических событиях, происходящих в Италии, где небольшая группа магистратов (прокуроров-обвинителей), руководимая прокурором Республики Франческо Саверио Боррелли, объявила подлинную войну коррупции, и операция была названа «Чистые руки». Применялись новые процессуальные формы расследования – следственные группы, судья по предварительному следствию, использование компьютерной техники [3, с. 25–26].

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дал определение коррупции в виде перечня составов преступлений, расположенных в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки) и главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями). Кроме того, Закон определил *фактическую цель коррупционной деятельности* – получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение перечисленных деяний от имени и в интересах юридического лица (п.п. а п. 1 ч. 1 ст. 1 ФЗ № 273).

В уголовном законодательстве зарубежных стран модель коррупционных преступлений определена более четко: в *УК Франции* определены нормы об ответственности за: а) пассивную коррупцию и торговлю влиянием, совершенные лицами, занимающими публичную должность (параграф 2 отдела III «О нарушениях служебного долга»); б) активную коррупцию и торговлю влиянием, совершенные частными лицами (отдел I главы III «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами»); в) пассивную коррупцию и активную коррупцию при посягательствах на публичную администрацию Европейских сообществ, государств – членов Европейского союза, других иностранных государств и публичных международных организаций (отдел I, отдел II главы У) [4, с. 384, 392, 436].

Торговля влиянием, злоупотребление властью, взяточничество и растрата – аналогичные термины использованы и в *Уголовном кодексе Аргентины*, который вступил в силу 29 апреля 1922 г. и с тех пор служит правосудию страны [5, с. 198–207]. В *Уголовном кодексе Австрии* применяется термин «принятие даров» чиновниками (ст. 304), руководящими должностными лицами (ст. 305),

экспертами (ст. 306) [6, с. 330–342], а в *Уголовном кодексе Республики Сербия* – такие термины, как «вознаграждение», «подарок», «выгода» (ст. 253–255) [7, с. 260–263]. Незаконное использование денежных средств, акций, документов, имущества, а также извлечение выгоды в личных интересах или в интересах других лиц – правовые оценки должностных преступлений работников государственных органов по Закону об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран от 30 июля 1991 г. и дополнениям от 23 мая 1996 г. [8, с. 280–283].

Уголовный кодекс штата Техас четко определил практически весь спектр коррупционных фактических обстоятельств: взяточничество – любая выгода (ст. 36.02), подкуп (ст. 36.05), получение вознаграждения (ст. 36.07), предоставление подарка (ст. 36.08), предложение подарка (ст. 36.09) [9, с. 376–384].

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. в главе 30 «Должностные преступления» коррупции посвящена отдельная статья 303, где коррупция понимается как «умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества и государства» [10, с. 292–293].

Таким образом, единство уголовно-правовых характеристик коррупции достаточно определенно сформулировано терминологически в законодательстве. Это имеет большое общественно-политическое и правовое значение. Однако процессуальные нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, представляется, еще схематично воспринимают рекомендации о правилах доказывания, предложенные Конвенцией ООН против коррупции. Своевременным было внесение в УПК РФ 2001 г. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ п. 8 ст. 73 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию». В соответствии с этим пунктом по уголовному делу необходимо доказать *обстоятельства*, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, а) получено в результате совершения преступления, или б) является доходом от этого имущества, или в) использовалось либо предназначалось для использования в качестве орудия преступления или для финансирования г) терроризма, д) организованной группы, е) незаконного вооруженного формирования, и) преступного сообщества (преступной организации).

Следующим шагом законодателя, думается, должно быть продолжение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, но уже с позиций антикоррупционного законодательства, принятого в стране и мире. Необходимо внести в ст. 73 УПК РФ п. 9 следующего содержания: «Обстоятельства, подтверждающие торговлю влиянием, утаивание имущества-доходов, представление и получение выгоды в виде материальных благ, любых преимуществ физическими и юридическими лицами вопреки законным интересам общества и государства». Необходимо расширить перечень источников доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УК РФ «Доказательства», дополнив ее п. 4.1 – аудиозапись, п. 4.2. – видеозапись, п. 4.3. – электронный обыск, п. 4.4. – электронное прослушивание, п. 6.1 – электронный документ, п. 6.2. – электронная подпись, п. 6.3. – акты ревизий и проверок.

Меры безопасности участников уголовного судопроизводства должны быть сосредоточены в самостоятельной главе 21.1 «Система мер безопасности и правила их реализации», в которой должны быть перечислены все уголовно-процессуальные меры безопасности, существующие по УПК РФ 2000 г. (изменение личных анкетных данных, отсутствие визуального наблюдения при проведении следственных действий, контроль и запись телефонных переговоров, закрытые судебные заседания). Это будет способствовать международно-правовым требованиям о создании внутренней правовой системы эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей и экспертов, дающих показания в связи с коррупционным преступлением, включающей: а) установление процедур для физической защиты; б) принятие правил доказывания, позволяющих свидетелям и экспертам давать показания таким образом, который обеспечил бы безопасность таких лиц (ч. 2 ст. 32 «Защита свидетелей, экспертов и потерпевших» Конвенции ООН против коррупции).

Summary

N.G. Myratova. Concept and Characteristic Features of Corruption in Foreign Criminal Legislation.

Corruption elements of crimes and the problems of legal definition of material norms are the most actual problems in modern criminal law. Rather-legal analysis of foreign criminal legislation makes it possible to define the criminal law regulation of the institution of criminal liability for corruption. The author suggests an idea that the scope of criminal law features of corruption has sufficient terminological grounds in foreign legislation.

Key words: corruption facts, features of corruption activity, criminal law of foreign countries.

Литература

1. Международное уголовное право в документах: в 2 т. / Сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – Т. 1. – 526 с.
2. *Константинов А.* Коррупцированная Россия. – М.: ОЛМА Медиа Групп; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 640 с.
3. *Антонио ди Петрио.* Моя политика // Италия – операция «Чистые руки» / Сост. В.А. Вайпан; отв. ред. Серджо Росси. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 1999. – С. 25–62.
4. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 672с.
5. Уголовный кодекс Аргентины / Науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 288 с.
6. Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. и вступ. ст. С.В. Милюкова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 568 с.
7. Уголовный кодекс Республики Сербия / Науч. ред. и предисл. Ю.А. Кашубы. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. – 267 с.
8. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Науч. ред. А.И. Ахани. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 343 с.

-
9. Уголовный кодекс штата Техас / Науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 576 с.
 10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / Предисл. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 384 с.

Поступила в редакцию
02.04.10

Муратова Надежда Георгиевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

Тел.: (843) 233-71-97